

ГРОДНЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.
Выходятъ по воскресеньямъ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Адресъ Редакціи—Духовная Консисторія.

Годъ XII-й. 20-го мая 1912 г. №№ 20 и 21.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ:

Высочайшимъ указомъ на имя Святѣйшаго Синода въ день 6 мая сего года даннымъ Епископъ Гродненскій и Брестскій **МИХАИЛЬ**, во вниманіе къ примѣрно ревностному служенію его въ священномъ санѣ, возведенъ въ санъ **Архіепископа**.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ во вниманіе къ отличной усердной службѣ **ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ** соизволилъ къ 6 мая сего года:

- 1) сопричислить викарія Гродненской епархіи, Епископа Бѣлостокскаго **Владимира**—*къ ордену Св. Анны 1 ст.*
- и 2) по Всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Св. Синода,—удостоить награжденія:

Жировицкаго Успенскаго монастыря настоятеля архимандрита **Аркадія** и Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря настоятеля архимандрита **Авраамія**—*орденомъ Св. Анны 2-ой степени*;

гор. Слонима Спасо-Преображенскаго собора протоіерея **Василія Полянскаго** и церкви села Оранчицы священника **Александра Вѣнчанинова**—*орденомъ Св. Анны 3-ей ст.*;

Члена Гродненскаго уѣзднаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта кол. асс. **Владимира Коржинскаго**—*орденомъ Св. Станислава 2-й степени*.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода удостоены награжденія, за заслуги по духовному вѣдомству, къ 6 мая сего года:

1) *Саномъ протоіерея*: гор. Гродны, Софійскаго Каѳедральнаго собора ключарь священникъ **Константинъ Михаловскій**;

2) *Наперснымъ крестомъ отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*: церкви села Стригова священникъ **Константинъ Кончевскій**; г. Брестъ-Литовска Симоновской церкви протоіерей **Стефанъ Жуковскій**; м. Хомска Покровской церкви священникъ **Стефанъ Моложавый**; церкви села Городисска священникъ **Іоаннъ Самойловичъ**; церкви с. Жерчицы священникъ **Константинъ Круновскій**; Западнаго Отдѣленія Инвалиднаго Дома ж.-д. служащихъ при ст. Влодава Александро-Невской ц. священникъ **Алексій Звѣревъ**; Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря іеромонахъ **Иннокентій**; Гродненскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря іеромонахъ **Петръ**;

3) *Камилавкою*: церкви села Гершоновичъ священникъ **Павель Ситкевичъ**; церкви села Шебрина священникъ **Николай Теляковскій**; церкви села Межирѣчья священникъ **Оеодоръ Павловичъ**; м. Яловки Крестовоздви-

женской церкви священникъ Владиміръ Слаута; церкви села Рѣчицы священникъ Оома Балабушевичъ; гор. Слонима Спасо-Преображенскаго собора священникъ Евгений Дружиловскій; церкви села Волавля священникъ Іоаннъ Балабушевичъ; гор. Волковыска Петропавловской церкви священникъ Іоаннъ Дружиловскій; гор. Брестъ-Литовска Св. Николаевской церкви священникъ Сергій Товаровъ; церкви села Раснянъ священникъ Тимоѳей Савицкій; церкви села Кругеля священникъ Емельянъ Дружиловскій; церкви села Курашева священникъ Іоаннъ Смирновъ; церкви села Подбѣлья священникъ Ѳеодосій Дѣтеевскій; м. Городца, Александро-Невской церкви священникъ Петръ Рожановичъ;

4) *Благословеніемъ Св. Синода, съ грамотою*—Красностокскаго женскаго Рождество-Богородичнаго м-ря казначея монахиня **Михаила**.

Резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 5-го мая за № 1530, священникъ Муравской церкви Герасимъ Теодоровичъ награжденъ набедренникомъ.

Утверждена опредѣленіемъ Свя-
тѣйшаго Синода отъ 14 Марта—
10 Апрѣля 1912 года за № 2384.

ИНСТРУКЦІЯ

учрежденному при Хозяйственномъ Управленіи Свя-
тѣйшаго Синода Комитету по дѣламъ епархіальныхъ
свѣчныхъ заводовъ.

§ 1.

Учрежденный Св. Синодомъ при Хозяйственномъ
Управленіи Комитетъ по дѣламъ епархіальныхъ свѣч-

ныхъ заводовъ имѣть своимъ назначеніемъ общее за-
вѣдываніе заводско-свѣчнымъ дѣломъ въ епархіяхъ со
всѣми относящимися къ нему предметами заводскаго
хозяйства, въ цѣляхъ объединенія всѣхъ епархіальныхъ
свѣчныхъ заводовъ въ томъ, что можетъ служить къ
общей ихъ пользѣ въ отношеніи благоустройства и
производительности.

§ 2.

Въ отношеніи къ центральному управленію Св. Су-
нода Комитетъ служить органомъ надзора сего упра-
вленія надъ дѣятельностью епархіальныхъ свѣчныхъ за-
водовъ въ техническомъ и хозяйственно-отчетномъ отно-
шеніяхъ. Посему въ Комитетъ передаются изъ дѣло-
производствъ Хозяйственнаго Управленія всѣ дѣла,
касающіяся епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ и отно-
сящихся къ нимъ предметовъ хозяйства.

§ 3.

Въ отношеніи къ отдѣльнымъ епархіальнымъ свѣч-
нымъ заводамъ Комитетъ, не посягая на подчиненіе
ихъ себѣ въ отношеніи управленія и распоряженія ихъ
суммами, является выразителемъ ихъ нуждъ, интересовъ
и желаній и ходатаемъ по ихъ дѣламъ предъ высшею
духовною властью.

§ 4.

Ближайшія задачи Комитета, составляющія кругъ
его дѣятельности суть:

А. *Установленіе нормъ, опредѣляющихъ дѣятель-
ность епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ:* выработка
общаго нормальнаго устава епархіальныхъ свѣчныхъ за-
водовъ, положенія о счетоводствѣ и отчетности ихъ; раз-
работка вопросовъ о предоставленіи заводамъ правъ цер-
ковно-правительственныхъ учрежденій; объ отношеніи

ихъ къ органамъ епархіального управленія; служебныхъ правахъ заводско-свѣчныхъ дѣятелей, и проч.

Б. Ближайшее изученіе положенія заводско-свѣчнаго дѣла, его условій и нуждъ.

Сюда относятся: 1) собраніе статистическихъ данныхъ относительно количества воска, потребнаго для всѣхъ заводовъ, — русскаго и заграничнаго, — его добычи и торговаго оборота (въ Россіи и за границей); 2) собраніе свѣдѣній о русскихъ и заграничныхъ фирмахъ, ведущихъ торговлю воскомъ (выясненіе ихъ правомочности и кредитоспособности; 3) выясненіе условій, на какихъ представляется возможною и цѣлесообразною централизація закупки воска; 4) статистика потребленія масла, ладана, церковнаго вина, церковной утвари и выясненіе наиболѣе выгодныхъ способовъ заготовленія этихъ товаровъ, и т. п.).

В. Облегченіе и удешевленіе для заводовъ способовъ закупки нужныхъ имъ матеріаловъ въ Россіи и за границей.

Сюда относятся вопросы: 1) о мѣрахъ къ расширенію и повышенію продуктивности пчеловоднаго дѣла въ Россіи чрезъ устройство при свѣчныхъ заводахъ опытно-учебныхъ пасѣкъ, чрезъ организацію курсовъ по пчеловодству и т. п. 2) о мѣрахъ къ облегченію заводамъ возможно широкой закупки отечественнаго воска изъ первыхъ рукъ, 3) о пониженіи, въ случаѣ надобности въ томъ, пошлинь и тарифовъ на заграничный воскъ и другіе матеріалы заводско-свѣчнаго производства и торговли; 4) объ организаціи агентуры на мѣстныхъ и заграничныхъ рынкахъ для закупки воска и другихъ предметовъ торговли епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ; 5) о возможности и условіяхъ кредита въ русскихъ и заграничныхъ банкахъ при этихъ закупкахъ; 6) изысканіе источниковъ къ усиленію оборотныхъ средствъ свѣчныхъ за-

водовъ, напр., чрезъ организацію при Хозяйственномъ Управленіи центральной кассы взаимопомощи, и проч.

Г. Удешевленіе стоимости производствъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ.

Вопросы объ улучшеніяхъ въ технической области съ цѣлью такового удешевленія; о назначеніи премій за изобрѣтеніе приборовъ для химическаго бѣленія воска, машинъ для механической выдѣлки свѣчь, для утилизаціи отбросовъ; объ устройствѣ центральныхъ и по районныхъ воскобѣлиленъ, лабораторій, экстракторовъ и проч.

Д. Надзоръ въ цѣляхъ обезпеченія церквамъ доброкачественныхъ продуктовъ.

Наблюденіе, чтобы свѣчи епархіально-заводской выдѣлки были изъ чистаго пчелинаго воска, вопросы о качествѣ церковнаго вина, лампаднаго масла, ладана и проч., содѣйствіе епархіальнымъ свѣчнымъ заводамъ въ борьбѣ съ фальсификаціей этихъ продуктовъ и проч.

Е. Разработка вопроса о введеніи церковно-свѣчной монополіи и о возможности при этомъ условіи освобожденія церковей отъ налоговъ путемъ перенесенія ихъ на епархіальные свѣчные заводы

и *Ж. Обсужденіе всякихъ предположеній, проектовъ, сообщеній, заявленій и ходатайствъ* по вопросамъ заводско-свѣчного дѣла и связанныхъ съ нимъ операцій.

§ 5.

Въ случаѣ необходимости созыва общаго съѣзда представителей епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, будетъ ли признаніе таковой необходимости исходить отъ центральнаго управленія Св. Синода, или отъ управленій самихъ заводовъ (въ послѣднемъ случаѣ требуются мотивированныя заявленія о необходимости съѣзда не менѣе, чѣмъ отъ 15 заводовъ), Комитетъ вырабатываетъ какъ

основанія, на которыхъ могъ бы быть осуществленъ общій съѣздъ представителей заводовъ, такъ и программы работъ съѣзда, и свои предположенія представляетъ на утвержденіе Св. Синода.

§ 6.

Комитетъ учрежденъ на первое время въ составѣ четырехъ лицъ: Предсѣдателя, члена-дѣлопроизводителя и второго члена, въ священномъ санѣ, и одного члена изъ чиновъ Хозяйственнаго Управленія. Впослѣдствіи, по указанію опыта, составъ Комитета можетъ быть увеличенъ и для дѣлопроизводства можетъ быть образована при немъ особая Канцелярія.

§ 7.

Дѣлопроизводство Комитета является частью общаго дѣлопроизводства Хозяйственнаго Управленія. Посему бумаги, поступающія на имя Комитета, въ отношеніи ихъ приема, распечатанія пакетовъ, проведенія чрезъ регистратуру и проч. подчинены общему существующему на сей предметъ въ Хозяйственномъ Управленіи порядку. Пакеты, адресованные на имя Предсѣдателя Комитета и непосредственно имъ вскрываемые, также сдаются въ регистратуру и записываются въ общемъ порядкѣ.

§ 8.

Комитетъ обсуждаетъ и рѣшаетъ подлежащія его вѣдѣнію дѣла въ своихъ общихъ засѣданіяхъ, очередныхъ и экстренныхъ, которыя созываются Предсѣдателемъ Комитета по повѣсткамъ. Засѣданія признаются состоявшимися при валичій не менѣе трехъ членовъ съ Предсѣдателемъ въ томъ числѣ. Дѣла рѣшаются большин-

ствомъ голосовъ, при равенствѣ коихъ голосъ Предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 9.

Въ цѣляхъ поддержанія живого общенія съ епархіальными свѣчными заводами, Комитетъ допускаетъ къ участию въ своихъ засѣданіяхъ прибывающихъ въ С.-Петербургъ по своимъ дѣламъ лицъ, причастныхъ къ управленію епархіальными заводами, съ правомъ совѣщательнаго голоса. По вопросамъ же, требующимъ спеціальныхъ знаній, Комитетъ можетъ пригласить въ свои засѣданія специалистовъ и вообще свѣдущихъ людей. Сужденія ихъ служатъ основаніемъ для заключеній Комитета. Но права голоса такія лица не имѣютъ.

§ 10.

Постановленія Комитета записываются членомъ-дѣлопроизводителемъ въ журналъ, подписываемый всѣми, присутствовавшими въ засѣданіи. Лица, остающіяся при особомъ мнѣніи, представляютъ свое мнѣніе въ письменномъ изложеніи не позже трехъ дней со времени засѣданія.

§ 11.

Журнальныя постановленія Комитета каждый разъ чрезъ Предсѣдателя Комитета представляются г. Директору Хозяйственнаго Управленія и, по надлежащемъ утвержденіи, приводятся въ исполненіе.

§ 12.

Комитетъ сносится со всѣми учрежденіями и лицами какъ центральнаго управленія Св. Синода, такъ и епархіальными и свѣвѣдомственными, на основаніяхъ уста-

новленныхъ для Хозяйственнаго Управленія. Исходящія бумаги Комитета подписываются за «Директора» Хозяйственнаго Управленія Предсѣдателемъ Комитета, кромѣ тѣхъ, относительно коихъ онъ получилъ отъ г. Директора особыя указанія и кои по ихъ особой важности имѣютъ подписываться г. Директоромъ Хозяйственнаго Управленія, Предсѣдателемъ и членомъ-дѣлопроизводителемъ Комитета. Тѣ же сношенія, для которыхъ принята форма писемъ, производятся Предсѣдателемъ Комитета непосредственно отъ своего имени. Переписка по дѣламъ Комитета подлежитъ общей исходящей регистратурѣ Хозяйственнаго Управленія.

§ 13.

Проекты бумагъ по дѣламъ Комитета, направляемыхъ въ порядкѣ сношеній съ мѣстами и лицами, отъ лица г. Оберъ-Прокурора Св. Синода или его Товарища безъ скрѣпы или со скрѣпою г. Директора Хозяйственнаго Управленія, изготовляются въ Комитетѣ и вся переписка этого рода обращается въ дѣла его.

§ 14.

По дѣламъ, требующимъ личнаго доклада г. Оберъ-Прокурору, таковые доклады дѣлаетъ Предсѣдатель Комитета по предварительномъ совѣщаніи съ Директоромъ Хозяйственнаго Управленія; по особенно же важнымъ дѣламъ — и въ присутствіи Директора.

§ 15.

Предсѣдателю Комитета, сверхъ вышесказаннаго, принадлежитъ общее руководство дѣятельностью Комитета и наблюденіе за всѣми частями ея. Распоряженія

его обязательны къ исполненію для всѣхъ служащихъ при Комитетѣ лицъ. Въ распоряженіи Предсѣдателя находится сумма, ассигнуемая по Комитету на хозяйственные расходы. Въ случаѣ болѣзни Предсѣдателя или отсутствія по дѣламъ, обязанности его возлагаются на одного изъ членовъ.

§ 16.

Членъ-дѣлопроизводитель Комитета ведетъ журналъ засѣданій и настольный реестръ; слѣдитъ за своевременнымъ движеніемъ входящихъ и исходящихъ бумагъ; хранитъ дѣла; отвѣчаетъ за вѣшній порядокъ дѣлопроизводства; составляетъ всѣ бумаги; ведетъ общую статистику по епархіальнымъ свѣчнымъ заводамъ; завѣдуетъ канцелярскими матеріалами Комитета и проч. Въ распоряженіи члена-дѣлопроизводителя состоитъ потребное число вольнонаемныхъ служащихъ, для которыхъ онъ является ближайшимъ начальникомъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія члена-дѣлопроизводителя, обязанности его возлагаются на одного изъ членовъ Комитета.

§ 17.

Прочіе члены Комитета участвуютъ въ общихъ собраніяхъ и наравнѣ съ Предсѣдателемъ и членомъ-дѣлопроизводителемъ берутъ на себя, по взаимному соглашенію, детальную разработку отдѣльныхъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію Комитета.

§ 18.

Наемъ и увольненіе служащихъ при Комитетѣ вольнонаемныхъ лицъ, назначеніе и повышеніе имъ содержанія производится по постановленіямъ Комитета.

§ 19.

Предсѣдатель и Члены Комитета, носящіе духовный санъ, назначаются и увольняются по опредѣленію Св. Синода.

Общимъ сѣздамъ представителей епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ предоставляется намѣчать кандидатовъ въ члены Комитета изъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своими знаніями и опытностью въ заводско-свѣчномъ дѣлѣ. Членъ представитель отъ Хозяйственнаго Управленія назначается и увольняется по распоряженіямъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода. Разрѣшеніе членамъ Комитета отпусковъ и командировокъ по дѣламъ службы также зависитъ отъ Оберъ-Прокурора.

§ 20.

Въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія настоящей Инструкціи, на таковое измѣненіе или дополненіе ея испрашивается разрѣшеніе Св. Синода.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Въ минувшемъ 1911 году въ церкви Скидельскаго благочинія поступили слѣдующія пожертвованія.

1) Въ Головачскую — прихожанами на ремонтъ храма 1070 руб., 101 руб. на икону въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и 54 руб. на священническое облаченіе; крестьяниномъ с. Головачъ Алексѣемъ Андреевымъ Ханютою пожертвована плащаница стоимостью приблизительно 120 рублей.

2) Въ Дубенскую — прихожанами выносная икона и крестъ стоимостью 54 руб. 60 коп., металлическій подсвѣчникъ цѣною 11 руб. 60 коп.; крестьянами дер. Су-

хиничъ: Алексѣемъ Кислымъ—икона цѣною 45 руб., Петромъ Денисевичемъ икона цѣною 12 руб., Анною Стрига икона цѣною 10 руб. 50 коп.; крестьяниномъ дер. Княжеводцевъ Маркомъ Касперовичемъ икона цѣною 27 руб., а всего поступило пожертвованій въ Дубенскую церковь на 160 руб. 20 коп.

и 3) Въ Озерскую церковь—княгиней Маріей Владиміровой Вяземской два покрыва и воздухъ ручной работы, шитые бисеромъ, цѣною до 50 рублей.

Всѣмъ вышепоименованнымъ жертвователямъ резолюціей Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Михаила, Архіепископа Гродненскаго и Брестскаго, отъ 19 мая 1912 года за № 1696 преподано Архипастырское благословеніе съ выдачею установленныхъ грамотъ крестьянину Алексѣю Ханютѣ и прихожанамъ Головачекской церкви.

3-го Мая скончался священникъ Брестскаго Симеоновскаго собора Даніиль Лихачевскій на 65 году жизни.

Резолюціями Его Высокопреосвященства:
отъ 5 мая за № 1542 2-ой священникъ Реватичской церкви Александръ Скабаллановичъ уволенъ за штатъ по болѣзни;
отъ 5 мая за № 1554 Дѣлопроизводитель Ломжинской Дирекціи народныхъ училищъ к. сек. Иванъ Валинскій назначенъ священникомъ къ церкви села Гольны, Гродненскаго уѣзда;

отъ 5 мая за № 1539 псаломщикъ Черской церкви Сергій Крейдичъ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности.

отъ 10 мая за № 1683 и. д. псаломщика Крупчицкой церкви, Кобринскаго уѣзда, Евфимій Бакунъ перемѣщенъ къ Подоросской церкви, Волковыскаго уѣзда;

отъ 11 апрѣля за № 1097 священникъ Оружъяровской церкви, Финляндской епархіи, Сергій Монаховичъ назначенъ на мѣсто священника при Малешской церкви, Бѣльскаго уѣзда;

отъ 4 мая за № 1491 младшій топографъ Отдѣла Земельныхъ Улучшеній тит. сов. Константинъ Павловскій назначенъ на священническое мѣсто къ Глиннянской церкви Кобринскаго уѣзда.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА:

Священниковъ: въ м. Дрогичинѣ, Бѣльскаго уѣзда, 2-го священника; м. Церковникахъ, Брестскаго уѣзда, м. Дятловѣ, Слонимскаго уѣзда, 2-го священника; с. Орѣховѣ, Брестскаго уѣзда, с. Новомъ-Дворѣ, Волковыскаго уѣзда, м. Лысковѣ, Волновыскаго уѣзда, 1-го священника; с. Топильцѣ, Бѣлостокскаго уѣзда, м. Рандиновѣ-Козловичахъ, Слонимскаго уѣзда, с. Говѣйновичахъ, Слонимскаго уѣзда, с. Мильковщизнѣ, Гродненскаго уѣзда, м. Сельцѣ, Пружанскаго уѣзда, 1-го священника; при Брестскомъ соборѣ—2-го священника; и с. Ревятичахъ, Пружанскаго уѣзда, 2-го священника.

Псаломщиковъ: м. Метибовѣ, Волковыскаго уѣзда, с. Новоельнѣ, Слонимскаго уѣзда, с. Камень-Шляхетскомъ, Кобринскаго уѣзда, с. Юшково-Грудѣ, Волковыскаго уѣзда, с. Рудникахъ, Пружанскаго уѣзда, при Пружанскомъ соборѣ, м. Мельникахъ, Бѣльскаго уѣзда, м. Ружанахъ, Слонимскаго уѣзда, с. Хорошевичахъ, Волковыскаго уѣзда, с. Гловсевичахъ, Слонимскаго уѣзда,

м. Зельвѣ, Волковыскаго уѣзда, с. Кожанахъ, Бѣлостокскаго уѣзда, с. Малоельнѣ, Брестскаго уѣзда, с. Роготнѣ, Слонимскаго уѣзда, с. Чарнѣ, Бѣльскаго уѣзда, с. Грушевѣ, Кобринскаго уѣзда, с. Дойлидахъ, Бѣлостокскаго уѣзда, с. Малешѣ, Бѣльскаго уѣзда, с. Житлинѣ, Слонимскаго уѣзда, с. Девятковичахъ, того же уѣзда, с. Козицахъ, того же уѣзда, м. Шерешевѣ, Пружанскаго уѣзда, при Свято-Николаевской церкви; с. Боркахъ, Слонимскаго уѣзда, с. Любищицахъ, того же уѣзда, с. Крупчицахъ, того же уѣзда, и с. Черскѣ, Брестскаго уѣзда.

ВАНАНТНЫ МСТА

Редакторъ *Н. Шелутинскій.*

ГРОДНЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Два міра *).

Въ прошломъ году въ „Вѣстникъ Европы“ былъ напечатанъ романъ П. Д. Боборыкина „Прорывъ въ вѣчность“. Мы никогда не искали въ многочисленныхъ романахъ Боборыкина чего-нибудь глубокаго и сильнаго. Онъ поверхностный наблюдатель жизни. Но все-таки онъ большой мастеръ подмѣчать и улавливать переживанія и настроенія того или другого общественнаго момента. Поэтому, когда, задолго еще до выхода въ свѣтъ романа, въ различныхъ изданіяхъ появились извѣстія объ этомъ, мы съ нетерпѣніемъ стали ждать его напечатанія. „Прорывъ въ вѣчность“!.. Какое громкое, эффектное названіе! Романъ, въ которомъ будетъ, какъ думалось намъ, захвачено такое явленіе, какъ современное „богоискательство“. И хотя мы прекрасно были знакомы съ манерой письма стараго романиста, — манерой, которую злой и ядовитый критикъ „Новаго Времени“ г. Буренинъ

окрестилъ спеціальнымъ названіемъ — „боборыканьемъ“, но все-таки мы ожидали добросовѣстнаго изученія такого интереснаго настроенія, появившагося сравнительно недавно въ нашемъ обществѣ, какъ богоискательство. Мы ожидали широкой картины, во всякомъ случаѣ — цѣлой большой книги. Каково же было наше удивленіе, когда, романъ закончился печатаніемъ въ третьей же книгѣ журнала и занялъ всего 130 страницъ... Если изъ этого числа страницъ исключить достаточное количество ихъ на любовную интригу, не имѣющую прямого отношенія къ главному содержанію романа, и на описаніе разныхъ любовныхъ объясненій и переживаній героевъ романа, то размѣръ повѣствованія собственно о богоискательствѣ еще болѣе сократится. Но можетъ быть къ нему можно приложить латинскую пословицу: «*non multum sed multum*», что въ нашемъ русскомъ языкѣ выражается поговоркой: „малъ золотникъ, да дорогъ“?.. Посмотримъ!

Одинъ изъ главныхъ героевъ романа — Егоръ Ивановичъ Кашинцевъ, бывшій профессоръ естественныхъ наукъ, „оскудѣвшій въ холодныхъ пустыряхъ безпросвѣтнаго механическаго міропониманія и не находившій никакого отвѣта на самые завѣтные запросы — ни свободы воли, ни воздаянія на высшемъ судилищѣ, ни бытія въ потустороннемъ мірѣ“ и теперь „ищущій живого Бога“. Онъ вступаетъ теперь, съ момента своего просвѣтленія, въ научную апологію всѣхъ коренныхъ догматовъ вѣры. Далѣе слѣдуетъ описаніе другихъ богоискателей. Тутъ и чета Бойцовыхъ, просто интересующихся религіозными вопросами, и мистикъ Степановъ, помѣщикъ изъ отставныхъ гвардейцевъ, и поэтъ-символистъ Авенировъ, и теософки, и богоискатели изъ престопаго, между которыми выдѣляется странная фигура въ чуйкѣ — Емельяна Кисельнаго, полусумасшедшаго мѣщанина-безсмертника, съ упрямымъ фанатизмомъ проповѣдующаго, что человѣкъ долженъ быть безсмертенъ здѣсь, на землѣ, а не на небѣ. Пока авторъ знакомитъ насъ со всѣми этими лицами,

онъ вполне корректенъ и строго объективенъ. Но вотъ на сцену выступаютъ люди противоположныхъ воззрѣній, адепты естественныхъ наукъ,—и вамъ тотчасъ же дѣлается ясно, на чьей сторонѣ симпатіи автора. Молодой человѣкъ, ученый агрономъ и лѣсоводъ Сумбуловъ, работающій теперь надъ диссертацией, сразу же раскрываетъ свое міровоззрѣніе въ бесѣдѣ съ курсисткой Бутовой, за которою онъ ухаживаетъ.

— Вы что же, Левъ Сергѣевичъ, боитесь, что я вдамся въ мистицизмъ?—спрашиваетъ его Бутова.— Коли у васъ нѣтъ такой жилки,—отвѣчаетъ онъ,—то ни въ какую блажь не впадете, но толку большого нѣтъ въ томъ, чтобы терять много времени на всякую такую болтовню модныхъ искателей потустороннихъ міровъ.— Если онъ и считаетъ заслуживающимъ вниманія богоискательство, то лишь въ простомъ народѣ. „Для мыслящаго человѣка это—разновидность народнаго піэтизма. Но намъ-то съ вами какая объ этомъ забота“?

Къ Кашинцеву проѣздомъ изъ заграницы заѣзжаетъ университетскій его товарищъ Сурковъ, профессоръ одного изъ провинціальныхъ университетовъ. Пріятели не видались уже 5 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Кашинцевъ изъ правовѣрнаго матеріалиста обратился въ такого же правовѣрнаго церковника, а Сурковъ остался попрежнему поклонникомъ Геккеля и Дарвина. И поэтому бесѣда между пріятелями не клеится. Оба чувствуютъ себя нѣсколько смущенными. Но вотъ совершенно случайно гость взялъ одну изъ брошюръ, лежавшихъ на столикѣ. „Онъ прочелъ заглавіе и удивленно взглянулъ на Кашинцева.— Это твое? спросилъ онъ.— Да, мое, отвѣтилъ Кашинцевъ. Сурковъ поглядѣлъ внизъ и увидѣлъ, изъ какого это журнала оттискъ и въ какой типографіи напечатано.— Въ Сергіевскомъ посадѣ! Ты тамъ теперь печатаешь? И это ты Кашинцевъ? Мой коллега? Тотъ, кто поставилъ меня на путь трезвой мысли и неумолимаго закона природы? Допускаю то, что ты самъ жертва

атавизма. Въ тебѣ, значить, сидѣла такая закваска. Но чего я тебѣ не прощу и не могу простить, -- что ты, человѣкъ точнаго знанія, 20 лѣтъ читавшій самую достовѣрную изъ наукъ, и вдругъ во что ты превратился! Ты пособникъ... поповъ! Ты открываешь цѣлый походъ противъ науки! Хуже того: ты желаешь пользоваться ея выводами для защиты, для апологii того, что ты еще недавно считалъ выдумками, мракобѣсіемъ, постыднымъ для каждаго мыслящаго человѣка“. Сурковъ въ гнѣвѣ оставляетъ своего школьнаго товарища. Но для насъ, смотрящихъ на дѣло со стороны, такое гнѣвное негодованіе профессора непонятно. Можно ли въ самомъ дѣлѣ негодовать на человѣка, если онъ искренно измѣняетъ своимъ прежнимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ? Здѣсь можетъ быть мѣсто только для сожалѣній со стороны прежнихъ единомышленниковъ, а никакъ не гнѣву. И что же удивительнаго въ томъ, что въ томъ плохого, что бывшій профессоръ естественныхъ наукъ пользуется ихъ выводами въ цѣляхъ вѣры? За что же Сурковъ, а съ нимъ, очевидно, и самъ авторъ романа такъ негодуютъ на Кашинцева? Очевидно, только за то, что тотъ сталъ, по ихъ выраженію, „пособникомъ поповъ“. Вотъ чего никакъ нельзя простить, встѣ съ чѣмъ никакъ нельзя помириться! „Не всепрощеніе нужно, выкрикиваетъ далѣе Сурковъ, а нужна беспощадная борьба съ изувѣрствомъ и мракобѣсіемъ“. А мракобѣсіе — это всякая религіозная вѣра, въ чемъ бы она ни состояла. „Ecrasez l'infame (т. е. истребляйте изувѣрство) — вотъ мой лозунгъ до самаго издыханія. Желаю тебѣ возложить на себя рясу чернеца и очутиться съ посохомъ владыки“. Очевидно, болѣе худшаго пожеланія со стороны разгнѣваннаго профессора естественныхъ наукъ трудно было и ожидать. Вотъ въ какое состояніе температуры высокаго давления можетъ повергнуть иного высокопросвѣщеннаго представителя интеллигенціи одинъ только взглядъ на брошюру, вышедшую изъ типографіи Сергіевскаго посада. Мы слы-

шимъ страстную проповѣдь полнѣйшаго отчужденія адептовъ чистой позитивной науки отъ людей, ищущихъ богооткровенной истины. Никакого компромисса!.. И забываетъ профессоръ Сурковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ авторъ, другой обычный свой лозунгъ, о которомъ они такъ часто любятъ твердить: свобода слова, свобода чужого мнѣнія! Забываютъ они, не хотятъ вспомнить, не хотятъ знать, что изъ той же высококомѣрно презираемой типографіи Сергіева посада вышли и другія произведенія такихъ авторовъ, научный авторитетъ которыхъ признала вся образованная Россія. Вѣдь здѣсь когда-то печатали свои труды и знаменитый нашъ философъ Владиміръ Соловьевъ, и историкъ Ключевскій, и другой историкъ Голубинскій, и канонистъ Павловъ. Мы не говоримъ уже объ ученыхъ богословахъ, и прежнихъ и современныхъ, воспитанныхъ подъ сѣнью обители препод. Сергія, которые составили бы себѣ популярное имя въ любыхъ западныхъ просвѣщенныхъ обществахъ. А у насъ съ ними знакомы одни лишь спеціалисты, остальная же публика просто не интересуется ими, не хочетъ ихъ знать. Съ еще большею опредѣленностью, въ противовѣсъ современному „богоискательству“, высказываетъ свои взгляды другой матеріалистъ, любимецъ автора—Сумбуловъ. По просьбѣ дачной публики, состоящей изъ молодежи и знакомыхъ уже намъ „богоискателей“, которыхъ авторъ, по своему прихотливому желанію, собралъ всѣхъ въ одномъ мѣстѣ, Сумбуловъ прочелъ всю лекцію въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ. „Здѣсь—началь свою рѣчь Сумбуловъ, — преобладаютъ исповѣдники религіозныхъ доктринъ и такихъ ученій, въ которыхъ основою всего является духъ, душа. Это движеніе, эти „прорывы въ вѣчность“, эта тяга въ потусторонній міръ теперь захватываетъ интересы нашей интеллигенціи. Тѣмъ законнѣе каждому, стоящему внѣ этой тяги, сказать и свое слово“. „Духъ, говоритъ онъ далѣе, есть только орудіе и продуктъ жизни, а жизнь совпадаетъ съ матеріей. Не

придаемъ ли мы, господа, духу, который есть только органъ всей жизни, смысла и значенія всей жизни, а вѣдь жизнь и есть самоцѣль“.. и т. далѣе. „Аріецъ дошелъ до того противорѣчія, въ какое онъ впалъ, сдѣлавъ духъ, — орудіе жизни и ея органъ, — всепоглощающей сущю существованія. Поэтому передъ аріицемъ двѣ альтернативы: или мы, дойдя до крайняго предѣла своей духовности, сами себя обречемъ на гибель, на вымираніе, и на смѣну намъ придетъ другая раса, въ которой не будетъ этой пропасти между духомъ и матеріей... — Кто же? спросилъ Кашинцевъ съ ироніей въ глазахъ: японцы? желтое племя? — Можетъ быть, отвѣчаетъ Сумбуловъ, даже почти навѣрное. — Или же мы возьмемъ за умъ и не будемъ дѣлать изъ духа единственнаго палладіума нашего бытія на планетѣ, которую мы сами превращаемъ въ юдоль скорби, вздыхая по фантазіямъ, созданнымъ нашимъ воображеніемъ“.

На этомъ мы и остановимся, такъ какъ дальнѣйшая передача содержанія романа Боборыкина совсѣмъ неинтересна. Замѣтимъ только, что и со стороны чисто художественной романа этотъ не имѣетъ ни малѣйшей цѣнности, вслѣдствіе своей тенденціозности. Фигуры героевъ его — блѣдныя, ходульныя, пристегнутыя авторомъ къ излюбленной имъ тенденціи. Излюбленный авторомъ герой романа, естественникъ Сумбуловъ, пользуется всѣми его симпатіями, равно какъ и другой естественникъ профессоръ Сурковъ. Зато достается богоискателямъ!.. Всѣ они въ лучшемъ случаѣ чудаки, иногда симпатичные, но большею частью только смѣшные, достойные жалости и снисходительности, или пошляки въ родѣ поэта-символиста Авенирова. Авторъ часто ставитъ ихъ въ смѣшное положеніе и показываетъ всю ихъ внутреннюю несостоятельность. Такъ, одного изъ главныхъ богоискателей — Кашинцева, пятидесятилѣтняго холостяка, онъ заставляетъ вспылать внезапной страстью къ молодой дѣвушкѣ. Не находя въ ней сочувствія, онъ помышляетъ о само-

убійствѣ. Другой, убѣдившись, что жена измѣняетъ ему, читаетъ ей и ея возлюбленному туманныя и сантиментальныя рацеи. Словомъ, общее впечатлѣніе по прочтеніи романа такое, что г. Боборыкинъ въ своемъ романѣ нарисовалъ не картину того широкаго явленія, которое уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ волнуетъ наше интеллигентное общество и которое давно уже получило названіе „богоскисательства“, а слѣдовательно — не можетъ быть отнесено къ разряду вѣяній и настроеній скоропреходящихъ, но карикатуру на него. И если мы въ настоящее время на этомъ произведеніи останавливаемъ свое вниманіе, то только лишь какъ на характеристикѣ отображеній взглядовъ, симпатій и антипатій интеллигенціи въ ея цѣломъ, какъ отклика одного изъ видныхъ и типичныхъ ея представителей.

Итакъ, какъ видите, — въ міровоззрѣніи интеллигенціи все такъ просто и ясно! Матеріализмъ, давно уже ставшій вѣрою нашей интеллигенціи, опредѣляетъ и всю ея духовную физіономію. Первымъ пунктомъ матеріалистическаго символа вѣры нужно признать, конечно, атеизмъ. „Атеизмъ есть общая вѣра, въ которую крещаются вступающіе въ лоно церкви интеллигенты. Вѣру эту раздѣляютъ и ученые и неученые, и старые и молодые. Она усваивается въ отроческомъ возрастѣ, когда такъ легко и естественно воспринимаютъ отрицаніе религіи, тотчасъ же замѣняемой вѣрою въ прогрессъ, науку. Разъ ставъ на эту почву, наша интеллигенція обыкновенно въ большинствѣ случаевъ такъ и остается при этой вѣрѣ, считая эти вопросы уже достаточно разъясненными и окончательно порѣшенными. По отношенію къ религіи наша интеллигенція просто еще не вышла изъ отроческаго возраста. Она еще о ней серьезно и не думала и не дала себѣ сознательнаго религіознаго самоопредѣленія; она не жила еще религіозной мыслью и остается поэтому не выше религіи, какъ думаетъ сама о себѣ, а внѣ ея“ (С. Н. Булгаковъ). Богъ, душа, вѣчная

жизнь - всѣ эти роковые, великіе вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ человѣчество мучительно бьется столько тысячъ лѣтъ, которыми оно живетъ въ многомилліонной массѣ, — все это, видите ли, „фантомы нашего раздвоеннаго сознанія“. Интеллигентному человѣку стыдно объ этомъ даже и помышлять... Все въ мірѣ случайно. Человѣкъ есть такой же продуктъ механическаго воспроизведенія природы, какъ животное и растеніе. Случайно онъ появляется на свѣтъ, живетъ короткое время и исчезаетъ навсегда. Когда же заходитъ рѣчь о цѣли и высшемъ смыслѣ его существованія, намъ подставляютъ вѣру въ прогрессъ человѣческаго общества, а правила практической морали... — позвольте! — да какія же здѣсь могутъ быть опредѣленные правила? Вѣдь если — я случайное порожденіе механическихъ силъ природы, если „нѣтъ души, а одна только плоть, и что если и впрямь существуетъ Господь, то Онъ только есть видъ кислорода“ (А. Толстой), — если со смертью все для меня прекращается, то всякій имѣетъ право устраиваться по собственному усмотрѣнію, начиная съ пракческаго, утилитарнаго эгоизма американцевъ до Ницшеанскаго „все позволено“, а у насъ — начиная съ нигилиста Базарова, которому было безразлично, что будетъ послѣ его смерти, когда, — образному его выраженію, — изъ него „допухъ вырастетъ“, и кончая Санинымъ съ его похотливыми заглядываніями на родную сестру. Дальше этого идти уже некуда!..

Но вотъ въ послѣднее время въ средѣ самой интеллигенціи появилось сознаніе вреда этого духовнаго оскотленія и умаленія духовныхъ сторонъ человѣческой природы. Возникло теченіе, направленное къ раскрытію моральныхъ и метафизическихъ проблемъ, къ личному самосознанію и усовершенствованію, — возникъ интересъ къ вопросамъ религіи и философіи.

Что же дало толчекъ къ отвлеченію интеллигентной мысли въ сторону этихъ именно вопросовъ? Мы

едва ли ошибаемся, если скажемъ: великій разрывъ съ народомъ. Разрывъ этотъ давно уже подмѣченъ. Уже давно ищутъ его причинъ, уже давно сдѣланы различные опыты сближенія интеллигенціи съ народомъ, но все напрасно. Уже давно ищутъ точекъ соприкосновенія съ народомъ, ищутъ и не находятъ. Припомнимъ хождение интеллигенціи въ народъ для политической пропаганды, припомнимъ толстовское опрощеніе, припомнимъ не мало отдѣльныхъ цѣпкокъ сближенія съ народомъ. Насъ удивляетъ ихъ полная почти безуспѣшность. Но почему же, почему?.. Почему народъ не принимаетъ насъ? Мы протягиваемъ къ нему руки, мы страстно ищемъ сближенія съ нимъ; — говорятъ интеллигенты, — а онъ стоитъ передъ нами точно сфинксъ: молчаливый, непонятный, загадочный. Обыкновенно это недовѣріе народа къ интеллигенціи пытаются объяснить его невѣжествомъ и непониманіемъ, его ненавистью къ интеллигенціи, какъ представительницѣ барства. „Но сказать, что народъ насъ не понимаетъ и ненавидитъ, значить не все сказать. Можетъ быть, онъ не понимаетъ насъ потому, что мы образованнѣе его? Можетъ быть, ненавидитъ даже, что мы не работаемъ физически и живемъ въ роскоши? Нѣтъ, онъ, главное, не видитъ въ насъ людей: мы для него челоуѣкоподобныя чудища, люди безъ Бога въ душѣ“. Народъ нашъ — не только ребенокъ, но и старикъ, ребенокъ по знаніямъ, но старикъ по жизненному опыту и основанному на немъ міровоззрѣнію; у него есть, и по существу вещей не можетъ не быть, извѣстная совокупность незыблемыхъ идей, вѣрованій, симпатій и это въ первой линіи — идеи и вѣрованія религіозно-метафизическія, т.-е. тѣ, которыя, разъ сложившись, опредѣляютъ все мышленіе и всю дѣятельность челоуѣка“ (Гершензонъ „Творческое самосознаніе“). Намъ напоминается сейчасъ одна картинка, выхваченная изъ жизни и ярко характеризующая ту пронасть, которая раздѣляетъ интеллигенцію отъ народа. Картинка эта записана

С. Н. Булгаковымъ, молодымъ профессоромъ-экономистомъ, членомъ первой Государственной Думы, бывшимъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ марксистомъ. „Въ одинъ изъ весеннихъ солнечныхъ дней, когда во время думскаго засѣданія многіе депутаты и журналисты прогуливались въ Таврическомъ саду, мое вниманіе привлекла собравшаяся группа нарядной петербургской публики изъ депутатовъ и газетныхъ сотрудниковъ, къ чему-то прислушивавшаяся и время отъ времени покатывавшаяся отъ смѣху: въ серединѣ толпы оказался забредшій туда волынской крестьянинъ, старикъ съ чуднымъ лицомъ, съ характерной головой, съ которой можно было лѣпить статую апостола или писать икону. Прислушавшись, я понималъ, что старикъ рассказываетъ про какое-то бывшее ему явленіе, въ которомъ Богъ послалъ его возвѣстить народнымъ представителямъ Свою волю. Рѣчь его была сумбурна, но всякій разъ, когда онъ возвращался къ своей миссіи и говорилъ о Богѣ, слова его покрывались дружнымъ смѣхомъ, а онъ кротко и терпѣливо, скорбя о смѣющихся господахъ, снова начинаетъ свою повѣсть. Мнѣ было невыразимо грустно и больно наблюдать эту сцену, въ которой такъ ярко отразилась духовная трагедія новой Россіи, и я съ горечью отошелъ и лишь издали долго видѣлъ благородную голову старика, старавшагося что-то разъяснить и убѣдить, и смѣющуюся толпу любопытныхъ. „Не строимъ ли мы Вавилонскую башню?“ — тихо сказалъ мнѣ по этому поводу бывший здѣсь же католическій священникъ-депутатъ“. И вотъ Булгаковъ не только порвалъ съ марксистами, но совсѣмъ отказался отъ политики, не пожелалъ идти больше въ Думу и повернулъ совсѣмъ на новый путь религіознаго самосознанія. Ему несомнѣнно часто мерещились и эти господа, образованные, по свѣтски воспитанные, вылощенные, съ хорошими манерами, прекрасно одѣтые, и этотъ бѣдный старикъ-крестьянинъ съ кроткимъ и скорбнымъ лицомъ. И ему противны стали эти самодовольные господа съ ихъ гру-

бымъ, безцеремоннымъ хохотомъ,—эти господа, на словахъ распинающіеся за благо народа, а на самомъ дѣлѣ оплевывающіе святая святыхъ народной души. Намъ припоминается сейчасъ одна совсѣмъ мелкая и ничтожная на первый взглядъ, но характерная черточка,— одно газетное сообщеніе изъ біографіи предсѣдателя первой Думы—Муромцева. Наканунѣ открытія Думы Муромцевъ очень волновался. Онъ зналъ, что будетъ избранъ на предсѣдательское мѣсто: у кадетовъ, которые тогда были господами положенія, это давно уже было рѣшено. Чѣмъ же такъ озабоченъ былъ Муромцевъ? Онъ ломалъ себѣ голову ни больше, ни меньше, какъ надъ вопросами внѣшняго этикета, а именно: кому, когда и въ какомъ порядкѣ ему нужно сдѣлать назавтра, послѣ избранія его въ предсѣдатели, визиты? Намъ это отчасти понятно, но вотъ тому крестьянину изъ Волынской губерніи, надъ которымъ издѣвались коллеги Муромцева, это совсѣмъ непонятно. Итакъ, вотъ откуда разрывъ между интеллигенціей и народомъ! Первая, идущая по пути внѣшней европейской цивилизаціи, сверху внизъ смотритъ на этотъ, по ея мнѣнію, темный, простой народъ и желаетъ совершенно освободить его отъ вѣяній того духа, на который она смотритъ враждебно и который желаетъ подчинить бездушній матеріи, какъ одинъ изъ органовъ жизни; а народъ на первомъ мѣстѣ ставитъ идеалы Божьей правды, высочайшіе идеалы христіанскаго духа: мечты о Богѣ, о душѣ, вѣчной жизни и прочее. Тутъ разрывъ не внѣшній, обусловленный тѣми или другими историческими вліяніями, а болѣе глубокій—внутренній, психологическій, двухъ совершенно противоположныхъ духовныхъ міровъ, складовъ. Это поняли лучшіе представители нашей интеллигенціи и начали болѣе серьезно и вдумчиво присматриваться къ духовной фізіономіи народа, сначала въ своихъ цѣляхъ служенія тѣмъ общественнымъ идеаламъ, посредствомъ проведенія которыхъ въ жизнь они думаютъ облагодѣтельствовать

простой народъ, а затѣмъ вѣра народная, крѣпкая, глубокая, искренняя захватила ихъ въ свои сѣти. Народъ нашъ представился не въ видѣ того жалкаго, несчастнаго многоголоватаго существа, которому нужно только благодѣтельствовать, избавляя его отъ мрака суевѣрія и невѣжества... Народъ нашъ, принявши христіанство, выносилъ его въ своей душѣ, имъ жилъ, во имя его геройски терпѣлъ всѣ тяготы жизни. Христіанскими началами, церковностью проникнута вся жизнь нашего простаго народа. Нужды нѣтъ, что, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, въ народѣ нашемъ не мало темныхъ пятенъ, на которыя мы любимъ указывать. Но въ общемъ, во всей своей совокупности, во всей своей массѣ, народъ нашъ съумѣлъ удивительно мудро разобратъся въ евангельскихъ истинахъ и стихійно усвоить себѣ самую суть христіанства. „Пусть въ нашемъ народѣ, — говоритъ Достоевскій, — звѣрство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ есть неоспоримо: это именно то, что онъ въ своемъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ, никогда не принимаетъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду... Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христосъ — вѣчное. Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, въ Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибается. То именно и важно, во что народъ вѣритъ, какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ лучшимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего просить у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеаль народа — Христосъ, а съ Христомъ, конечно, и просвѣщеніе. И въ высшія, роковыя минуты свой народъ нашъ всегда рѣшаетъ и рѣшалъ всякое общее и народное дѣло свое всегда по христіански“ (Ф. М. Достоевскій, т. XXI, 4741). Вотъ почему свой идеаль жизни онъ выразилъ, давъ себѣ наименованіе „Святая Русь“, „т.-е., конечно, не почитая себя святымъ, но въ святости видя идеаль жизни“ (Булгаковъ). Вотъ почему изъ своей среды народъ съумѣлъ

выдвинуть конкретных носителей христіанских идеаловъ Божіей правды, удивительные по мощи и силѣ духа образы легендарныхъ героевъ христіанъ! Вѣдь всѣ эти подвижники вышли изъ нѣдръ народнаго духа, начиная съ первыхъ создателей Кіево-Печерской Лавры, святыхъ князей и святителей русской церкви. Всѣ они были народные герои, такъ какъ тогда въ духовномъ отношеніи весь народъ, отъ князя до послѣдняго смерда, представлялъ изъ себя одну цѣльную, монолитную массу. И вотъ наше интеллигентное общество третируетъ этотъ великій народъ съ его многовѣковой, вѣщею мудростью, какъ жалкое, несчастное стадо, которое нужно изъавить отъ ужасовъ мракобѣсія и невѣжества! Но не можетъ ли народъ сказать своимъ просвѣтителямъ приблизительно слѣдующее: „вы хотите просвѣщать меня? Да, я сознаю свою темноту, свое невѣжество. И я приму ваше просвѣщеніе, такъ какъ нуждаюсь въ немъ,— но только такое, которое бы не дѣлало меня духовно бѣднѣе того, чѣмъ я есмь теперь, и не разлагало моей нравственной личности. Всю вашу цивилизацію, всѣ ваши научныя изобрѣтенія я принимаю. Я приму и все то, что найду подходящаго для себя изъ вашихъ мечтаній въ области общественныхъ отношеній и соціальныхъ улучшеній, но души моей, ея святая святыхъ не касайтесь. Не вытравляйте изъ нея того, чѣмъ она живетъ, что одно составляетъ ея драгоценное достояніе, украшаетъ, одухотворяетъ и осмысливаетъ мою жизнь. Опустошите вы ее, и чѣмъ наполните? Вѣдь вы сами растеряли пути свои... Посмотрите, какой леденящій пессимизмъ и какой строй жизни заползаютъ все болѣе и болѣе въ вашу душу, какъ часто почва ускользаетъ изъ подъ вашихъ ногъ, исчезаетъ цѣль и смыслъ жизни, и вы добровольно уходите изъ нея!.. Эпидемическія самоубійства, по поводу и безъ повода, просто отъ тоски и безцѣльности жизни, становятся все чаще и чаще... И это началось не вчера, не сегодня. И вотъ среди этого духовнаго банкротства, среди этого

обнищанія духа какъ часто я питалъ и поддерживалъ васъ своими живительными соками! Вы хвалитесь своею культурою, искусствами, науками... Но и ваши писатели, и философы, и ваши художники у меня искали вдохновенія и поддержки. Вѣдь это я, въ лицѣ крѣпостной няни Арины Радіоновны, навѣвалъ золотые сны народной, сказочной красоты вашему величайшему поэту. Это я, сынъ простого народа, солдатъ Платонъ Каратаевъ, своею спокойною, стихійною, перенятою отъ народа мудростью спасъ отъ духовной и физической смерти вашего разумника Пьера Безухова, атеиста и вольтерьянца, въ пору его послѣдней нравственной пустоты. Это предо мною, простою крѣпостною дѣвушкой Лукерьей, какъ передъ живыми мощами, остановился умнѣйшій и образованнѣйшій баринъ въ чувствѣ умиленія и восторженнаго преклоненія предъ моимъ спокойнымъ, полнымъ величайшей духовной красоты жизненнымъ подвигомъ. Это я же, народъ, напиталъ своимъ духомъ Оптинскаго старца Амвросія, къ которому поучиться и послушать его рѣчей собирались самые умные и мудрые изъ вашей среды. Это я же, своимъ мощнымъ духомъ, и именно благодаря непоколебимой силѣ этого духа, противъ котораго вы съ такимъ ожесточеніемъ вооружаетесь, создалъ такую колоссальную реальную цѣльность, какъ великое русское государство, вынесши на своихъ богатырскихъ плечахъ крестъ нашего историческаго существованія и ужасы междоусобицъ и всякихъ войнъ, и гнетъ татарщины, и страшное крѣпостное право. Это я своими костями усѣялъ то болото, на которомъ желѣзною рукою великаго царя-преобразователя выстроена была новая столица, „полночныхъ странъ краса и диво“ на поворотѣ русской исторіи отъ азиатскаго Востока къ европейскому Западу, — та столица, въ которой пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли всѣ ваши науки и искусства, вся ваша культура, которою вы такъ гордитесь. И вотъ вы, цвѣтъ современной цивилизаціи и культуры, съ такимъ презри-

тельнымъ высокобріемъ относитесь къ тому, что дороже всего для меня! Вы смѣтаете надъ моею вѣрою, надъ моею душою, вы, которые выдаете себя за поборниковъ свободы личности, свободы мнѣній“. — Такъ можетъ сказать намъ народъ. Такъ могли бы сказать волынскіе крестьяне всѣмъ этимъ журналистамъ, парламентаріямъ, извѣстнымъ юристамъ и людямъ науки, которые такъ беззаботно, весело смѣялись надъ ними. Сближеніе съ народомъ на почвѣ церковной, религіозной — такова задача настоящаго историческаго момента, вотъ та цѣль, которую долженъ преслѣдовать образованный человекъ нашего времени! Лѣтъ пять тому назадъ появилась въ свѣтъ картина извѣстнаго художника М. В. Нестерова „Святая Русь“. Фонъ картины — скучный, зимній пейзажъ, гдѣ изображены: „эта бѣдная природа, эти бѣдныя селенья“, — пейзажъ, такой близкій нашему сердцу, родной земли, которую, по выраженію поэта (Тютчева), „въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя“. И на картинѣ, на переднемъ ея планѣ дѣйствительно Царь Небесный Христосъ, въ сопровожденіи Св. Николая Чудотворца, Св. Сергія Радонежскаго, какъ бы шествуетъ по русской землѣ. А навстрѣчу къ Нему притекаетъ народъ. Тутъ и старикъ-странникъ, и крестьянская молодая дѣвушка, и старуха. Отъ картины вѣетъ мирнымъ, душу успокаивающимъ настроеніемъ. Художникъ, самъ проникнувшись старозавѣтнымъ идеаломъ, съумѣлъ съ большимъ искусствомъ передать его на своей картинѣ. И вотъ, когда смотришь на нее, то невольно приходитъ на мысль: а отчего же нѣтъ среди этого простого народа, вышедшаго навстрѣчу Христу, представителей нашего образованнаго, интеллигентнаго общества? Какъ бы хотѣлось видѣть рядомъ съ этими зипунами и сарафанами и студенческой мундиръ, и сюртукъ, и модное платье... Да, рядомъ! Вотъ задача настоящей исторической минуты! Не разрывъ съ народомъ, не пропасть, не брезгливую гримасу, а сплоченіе, соединеніе тѣсное, братское, едино-

душное на почвѣ вѣры... Вѣра народная—это тотъ мостъ, который долженъ соединить два міра—интеллигенцію и народъ; это то звено, которое должно сковать, скрѣпить ту цѣпь великую, которая „распалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. И пусть не называютъ ее темнымъ суевѣріемъ. Да, правда, вѣра простого народа проста. Но кто же мѣшаетъ вамъ, принявши ее, не ограничиться однимъ только стихійнымъ народнымъ пониманіемъ, а осмыслить ее, уяснить, углубить, подойти къ ней съ разныхъ сторонъ, во всеоружіи научнаго знанія?.. Да, вѣра эта дѣтская, наивная и до сихъ поръ еще въ общей массѣ народной такая сильная, цѣльная, жизненная, бьетъ такимъ могучимъ живительнымъ ручьемъ, что способна заразить и людей чуждыхъ вѣрѣ, индифферентныхъ и холодныхъ. Не даромъ передъ нею умилялись и такіе наши писатели, какъ Глѣбъ Успенскій и Чеховъ. А вотъ признаніе поэта-интеллигента, съ больной, раздѣленной жизненными противорѣчіями душой, который описываетъ свое возвращеніе на родину и родныя впечатлѣнія. Поэтъ этотъ— Некрасовъ. „Я знаю, пишетъ онъ,

Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ дѣсовъ сосновыхъ,
И деревушекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья.
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуту умиленья!
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,—
Не ей поправить наше горе,

Размыкать русскую печаль!
Храмъ въздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неутолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ!
Войди! Христось наложить руки
И сниметь волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной!“
Я внялъ... Я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старья челомя,
Чтобы простилъ, чтобы заступился,
Чтобы осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.

Свою вѣру народъ далъ намъ какъ фундаментъ, какъ основу для того, чтобы мы могли построить величественное зданіе нашей культуры, нашей общественности. „Христіанская культура, церковное творчество, направленное ad extra,—такова всемірно-историческая задача, которая ставится нашему вѣку“ (Булгаковъ). А это и есть то самое, о чемъ мечтали лучшіе и самобытные мыслители прошлаго вѣка—Гоголь, Чаадаевъ, Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ и другіе,—и что называется стремленіемъ къ осуществленію идеаловъ Царствія Божія здѣсь на землѣ, въ нашей обыденной обстановкѣ. А все это возможно будетъ только въ томъ случаѣ, когда всѣ функціи государственной и общественной жизни будутъ пропущены сквозъ призму христіанскаго міропониманія. „Церковная ограда должна вмѣстить въ себѣ не одинъ

только домъ инвалидовъ и богадѣльню, для которыхъ находилось въ ней мѣсто до сихъ поръ, но и рабочую мастерскую, и ученый кабинетъ, и художественную студию“ (Булгаковъ). Жизнь, наука и церковь не должны идти порознь, не должны стоять на позиціяхъ противоположныхъ, другъ другу враждебныхъ, а должны искать путей къ тому, чтобы слиться во единомъ, общемъ, всеобъемлющемъ синтезѣ. Намъ кажется, что осуществленіе этой великой задачи нашего времени, этой нашей національно-исторической миссии, когда мы должны будемъ сказать міру свое новое слово, уже наступаетъ, и богоискательство, и есть одинъ изъ его признаковъ, почему явленіе это не есть только продуктъ однихъ случайныхъ общественныхъ переживаній, а глубокое движеніе, все болѣе и болѣе захватывающее нашу интеллигенцію. Правда, въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ оно подчасъ принимаетъ крайне нежелательныя, затѣйливо странныя, иногда даже уродливыя формы, уклоняясь отъ близкаго и дорогого намъ православія. Но это уже другой вопросъ, вопросъ нашей церковной миссии, къ разрѣшенію котораго Церковь принимаетъ свои мѣры и средства. Но мы не можемъ всетаки не относиться съ чувствомъ симпатіи къ богоискательству, возникшему среди бесплодныхъ пустынь мертвящаго матеріализма и стремящемуся къ разрѣшенію великихъ проблемъ, волнующихъ человѣчество: о Богѣ, о душѣ, о личномъ самоусовершенствованіи.

Итакъ вотъ лозунгъ нашего интеллигентнаго общества, — лозунгъ, который долженъ быть начертанъ на его знамени исполнинскими, яркими буквами: „вѣра и разумъ“.

Священникъ *Θ. Филоненко*.

Вр. и. о. Редактора *Н. Шелутинскій*.

Печатать разрѣш. 1912 г. 26 мая. И. д. цензора, прот. *П. Дедевичъ*.
Гродненская Губернская Типографія.